

Психические феномены и дискурс: перспектива социального конструкционизма*

Н. П. Бусыгина

доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета психологического консультирования Московского городского психолого-педагогического университета

В статье дан анализ социоконструкционистского представления о психике как продукте дискурсов. Показано, что в перспективе социального конструкционизма психологические понятия не являются «жесткими десигнаторами»: их функция состоит не в описании объективных процессов и состояний, а в приписывании им смысла в соответствии с тем контекстом культурных смыслов, к которому они принадлежат. Делая акцент на дискурсивной природе психики и присущих ей нормативных и семантических (а не каузальных) отношениях, социальный конструкционизм ориентирует психологию на интерпретивистскую эпистемологию и построение концептуально-методологического каркаса, характерного для гуманитарных («понимающих») наук. В статье также поднимается более широкая проблема соотношения языка (или дискурса, т. е. языка в его социокультурных и интерактивных аспектах) и реальности. Автор показывает, что в связи с социальным конструкционизмом, радикализирующим языковой характер человеческого опыта, приобретает актуальность рефлексия границ дискурсивного конструирования. Раскрывается необходимость анализа иных — внедискурсивных — аспектов «жизненного мира», и прежде всего практической составляющей бытия в мире, феноменологии телесной и эмоциональной связи с миром и т. п.

Ключевые слова: социальный конструкционизм, дискурсивное конструирование психики, языковые игры, «грамматический анализ» психологических понятий, тело-субъект, границы дискурсивного конструирования.

Идеи конструктивизма стали предметом широких дискуссий в философии, науках о человеке, социальной эпистемологии [11]. Сегодня нередко говорят о сложившейся конструктивистской парадигме, для которой характерен особый взгляд на деятельность познания, ее цели и ценности, критерии оценки качества полученного знания, проблему соотношения языка и реальности и т. п. [14–17; 26].

Пожалуй, наиболее обсуждаемым (и критикуемым) подходом, относящимся к конструктивистской парадигме, является социо-конструкционистский подход (К. Герген, Дж. Поттер, Р. Харрэ и др.), который, с точки зрения ряда авторов [7; 11; 17], необходимо отличать от других конструктивистских подходов — психологического конструктивизма Дж. Келли, радикального конструктивизма Э. фон Глазер-фельда и др.

Одной из мишеней критики социального конструкционизма являются онтологические представления его сторонников. Последние нередко подчеркивают, что социальный конструкционизм не пытается дать ответ на онтологические вопросы, какого рода вещи существуют, скорее, его интересует, как люди конструируют то, что принимается ими за описания фактов [7; 35]. Вместе с тем в работах конструкционистов присутствуют и онтологические утверждения о психике как «сцене» социальных отношений, реализуемых посредством дискурсивных практик [7; 19; 20; 35].

Критики социального конструкционизма (см., к примеру, выступление В. Ф. Петренко) [11] обращают внимание, что в своих онтологических допущениях это направление антипсихологично, поскольку в наиболее радикальных вариантах оно вообще отрицает ментальные процессы. В самом деле, сторонники социального конструкционизма склонны к радикализации своих идей, в частности идеи о социальном конструировании психики. Вместе с тем размышления конструкционистов об онтологических предпосылках психологии чрезвычайно важны для самих психологов: усвоив (правда, немного односторонне, о чем будет сказано ниже) уроки философии позднего Л. Витгенштейна, представители социального конструкционизма не только дают критику традиционного для психологов способа мышления, но и предлагают позитивную программу исследования психической «реальности», основанную на прояснении статуса ментальных понятий. По нашему мнению, социальные конструкционисты предлагают достаточно своеобразную версию психологии как гуманитарной дисциплины, ядром которой является идея того, что психические феномены есть не что иное как продукт дискурсов.

Отчасти социальные конструкционисты сами осложняют понимание их онтологических идей. И не только из-за утверждения, будто в их представлениях нет «онтологии». Конструкционисты нередко

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФИ. Грант №07-06-0045-а.

приверживаются позиции достаточно радикального эпистемологического релятивизма*, и это еще одна важнейшая мишень для критики их взглядов [33; 38]. Сегодня вряд ли можно спорить с тем, что позиция радикального релятивизма бесплодна в силу своей логической самопротиворечивости (невозможно утверждать, что истины не существует, одновременно не утверждая в качестве истины, что истины не существует). Кроме того, уравнивая в правах любые утверждения, позиция радикального релятивизма не позволяет никакие из них воспринимать всерьез. В работах ряда представителей социального конструкционизма ставится под вопрос сама возможность получения объективного знания в психологии и утверждается, что вместо того чтобы заниматься поисками универсальных законов, управляющих человеческим поведением и опытом, психология должна сосредоточиться на исследовании дискурсивных практик, посредством которых мы «конструируем» мир и самих себя. Однако если различные суждения равны перед истиной, как склонны подчас утверждать социальные конструкционисты, то их собственная критика в адрес традиционной психологии теряет смысл.

Существует мнение, что прямо высказываемые и имплицитные допущения социальных конструкционистов об онтологических предпосылках психологии можно и нужно рассматривать отдельно от их эпистемологических воззрений и что именно первые представляют для психологии интерес [31]. Мы согласны с той оценкой значения, которая в данном случае дается онтологическим идеям социального конструкционизма, однако не стали бы утверждать, что возможно определение специфики объекта научной дисциплины вне эпистемологической перспективы. Реальность получает свою определенность, будучи видимой сквозь те или иные эпистемологические линзы, поэтому можно сказать, что онтологические соображения в некотором смысле являются частью эпистемологической перспективы**.

В настоящей статье мы дадим анализ ряда онтологических идей сторонников социального конструкционизма. Сначала покажем, как можно прочитывать утверждение конструкционистов, что психика есть продукт дискурсов. И затем коснемся более широкой проблемы соотношения языка (или дискурса, т. е. языка в его социокультурных и интерактивных аспектах) и реальности, как она ставится и решается авторами социо-конструкционистского направления. Вообще отношения языка и реальности стали предметом пристального внимания многих философских направлений XX в. Социальный конструкционизм, акцентируя конститутивную функцию языка, предлагает, пожалуй, одну из наиболее

радикальных версий языковой природы человеческого опыта. Однако его сторонники недооценивают иные — внедискурсивные — факторы. Поэтому, на наш взгляд, в связи с социальным конструкционизмом встает задача рефлексии границ дискурсивного конструирования. Мы попытаемся сделать это путем обращения к некоторым идеям неконструктивистских направлений (главным образом, феноменологии).

Идея дискурсивного конструирования психики

Как уже было сказано, представители социального конструкционизма акцентируют особую роль языка в конструировании психики: они утверждают, что психические феномены являются продуктом дискурсов. В данном утверждении можно вычитать два различных смысла — А. Либрукс обозначает их как собственно «дискурсивное» и «материальное» конструирование [31], но, по сути, они представляют собой два связанных друг с другом аспекта дискурсивного конструирования психики. Во-первых, утверждение, что психические свойства являются продуктом дискурсов, может означать, что они существуют только в контексте определенного дискурса и вне его не могут быть идентифицированы; иными словами, мы можем говорить, что людям присущи те или иные свойства только относительно означивающей системы, характерной для сообщества, которому эти люди принадлежат [20; 28; 31 и др.]. Например, мы не можем говорить о какой-либо роли (психолога, родителя, ученого и т. д.), если в людском сообществе нет соответствующей означивающей системы, порождающей смысл этой роли. То же самое, согласно социальным конструкционистам, верно и по отношению к так называемым «интенциональным состояниям» (эмоциям, мотивам, установкам).

Во-вторых, утверждение, что психические свойства являются продуктом дискурсов, может означать, что дискурсивные практики влияют на само психическое функционирование людей, т. е. поддерживаемые в определенное время определенным сообществом дискурсы не только обеспечивают участников ресурсами для придания смысла их поведению или переживаниям, но и определяют само это поведение и переживания [31; 32; 39 и др.]. К примеру, поведенческие и мыслительные операции, которые демонстрирует психолог-консультант, невозможны без соответствующей практики подготовки психологов-консультантов. Но точно так же без соответствующих дискурсивных практик, существу-

* См., к примеру, позицию К. Гергена [7], от которой, несмотря на предлагаемые им альтернативные, в частности прагматические критерии оценки качества знания, остается впечатление культивирования достаточно свободного методологического многообразия.

** Кстати, именно на допущении, согласно которому методология должна соответствовать независимо от нее определяемой онтологии, основана главная ветвь критики позитивизма как методологии исследования социального (и психического) мира: сторонники «гуманитарной» парадигмы в социальных науках пытаются показать неадекватность позитивизма самой онтологии социальной жизни. Однако, как нам представляется, данный аргумент несоответствия логически не до конца продуман. Ведь если мы определяем природу объекта, уже заняв ту или иную эпистемологическую позицию, то именно альтернативная эпистемология, а не онтологические соображения, ставит позитивизм под вопрос.

щих в культуре, в которые «врастает» каждый человеческий индивид, невозможны и базовые психологические операции, вроде концептуального мышления, автобиографической памяти и т. п.

Попробуем, обратившись к конкретным исследованиям авторов социо-конструкционистского направления, более подробно раскрыть два обозначенных смысла идеи дискурсивного конструирования человеческой психики и показать, какую эпистемологическую перспективу данная идея предполагает.

Социальные конструкционисты обращают внимание, что результатом психологических исследований, скажем, эмоций (или мышления), должно быть знание именно о тех феноменах, которые называются «эмоциями» (или «мышлением») в обыденной коммуникации, а отнюдь не о чем-то оригинальном, что сам психолог придумал называть «эмоциями» (или «мышлением»). Следовательно, полагают сторонники социального конструкционизма, психологии необходимо начинать свое исследование с прояснения значений обыденных психологических понятий. В нашей повседневной практике мы обладаем имплицитным знанием, как употреблять психологические понятия, но у нас нет ясного понимания, как они функционируют. Используя методы философии обыденного языка, к примеру, методы «грамматического анализа» понятий, которые были предложены Л. Витгенштейном, мы можем эксплицировать это знание. Собственно, в таком анализе и состоит цель многих социоконструкционистских исследований [19; 20; 22; 28; 31 и др.]. Заметим, что анализ обыденного языка не является лишь исследованием слов — это исследование онтологии связанных с этими словами феноменов [31]*.

Иллюстрацией исследования психических феноменов путем «грамматического анализа» психологических понятий могут служить, в частности, социо-конструкционистские исследования эмоций [25; 28; 31 и др.], развивающие ключевые идеи Л. Витгенштейна. Исследователи обращают внимание, что, описывая эмоцию, мы можем говорить о телесных ощущениях, поведенческих проявлениях и о ситуации, на которую человек отвечает данной эмоцией. Однако эмоции невозможно редуцировать ни к одному из этих компонентов, ни к их совокупности, хотя все они являются важными элементами парадигматических эмоциональных сценариев. То что действительно конституирует ту или иную эмоцию, — это ее смысл, который, как показывают Р. Харре́ и Г. Жиллетт [28], состоит в выражаемой ею моральной оценке. Например, посредством гнева мы порицаем поведение другого человека, которое мы считаем несправедливым или которое идет вразрез с нашей волей. Испытывая зависть, мы показываем, что хотели бы иметь то, чем обладает другой человек, а смущаясь, мы признаем, что наше поведение или внешний вид являются не совсем подходящими. Таким образом, можно сказать, что выражение боль-

шинства эмоций представляет собой социально принятый акт: выражение гнева, к примеру, есть акт протеста против поведения других людей, а смущение говорит о нарушении некоторой конвенции [там же]. Л. Витгенштейн обращает внимание, что приписывание смысла поведению или психическому состоянию всегда предполагает определенный дискурсивный контекст, которому они соответствуют [3, § 583, 584, с. 238—239]. Следуя за мыслью Витгенштейна, Харре́ и Жиллетт считают, что, описывая эмоцию, мы помещаем поведение и ощущения человека внутрь системы культурных норм и ценностей, которая и обеспечивает необходимый «фон» для моральных оценок. Перенесенные в иной контекст те же самые поведение и переживание имели бы совершенно иной смысл [28].

Как и описание эмоций, описание мотивов и установок тоже предполагает контекст. М. Биллиг [22] демонстрирует, что, говоря об установках кого-либо, мы не описываем внешнее поведение или некое внутреннее состояние, но обозначаем занимаемую этим человеком позицию по отношению к некоторому дискуссионному вопросу. Раскрыть мотив поведения также не значит предположить наличие каких-либо «скрытых» процессов, но значит придать этому поведению смысл, сделать его понятным — умопостижимым.

В современной западной психологии существует весьма влиятельное представление, будто концепты «народной психологии» (мотив, мышление, эмоция и т. п.) есть не что иное как род теоретических конструкций, гипотетически обозначающих некие «внутренние» состояния и процессы, которые служат каузальными объяснениями наблюдаемого поведения [23]. Однако, как справедливо замечает А. Либрукс [31], прозрения Л. Витгенштейна, на которых основаны исследования психологов социо-конструкционистского направления, позволяют показать неверность подобных представлений. Понятия «народной психологии» нельзя мыслить по аналогии с гипотетическими понятиями естественнонаучных дисциплин, обозначающими классы непосредственно ненаблюдаемых материальных объектов, состояний и процессов, существующих независимо от человеческих дискурсов. Психологические понятия употребляются совершенно иным образом — так, чтобы придавать смысл человеческому поведению и опыту путем помещения их в соответствующий дискурсивный контекст. К примеру, нельзя сказать, что эмоции и мотивы независимы от человеческих дискурсов. Однако нельзя утверждать и то, что эмоции и мотивы «нереальны». Они «точно так же реальны, как и играемые людьми роли в контексте институционализированных функций, прав и обязанностей, или как реальная рыночная стоимость кусков бумаги (денег) в контексте институционализированных практик современного рынка» [31, с. 378].

* Ср. с замечанием Л. Витгенштейна: «Следует спрашивать не о том, что такое представления или же что происходит, когда человек что-то представляет, а о том: как употребляется слово "представление". Но это не означает, что я хочу говорить лишь о словах. Ведь и вопрос о природе представления... обращен к слову "представление"» [3, § 370, с. 199].

Как видим, с точки зрения конструкционистов, психические феномены зависят от социального контекста, иными словами, их онтологический статус отличается от статуса объектов физического мира. Психологические понятия не являются «жесткими десигнаторами»*. Функция психологических понятий, как показывают представители социального конструкционизма, заключается не в описании объективных процессов и состояний, а в приписывании им смысла в соответствии с тем контекстом культурных смыслов, которому они принадлежат.

Кроме того, что дискурсы обеспечивают смысловую рамку для понимания и описания человеческого поведения и опыта, они, как уже отмечалось, влияют на само человеческое поведение и опыт. Существуют антропологические исследования, наглядно демонстрирующие, что в других культурах люди испытывают такие эмоции, которые невозможно запросто перевести на язык наших эмоциональных понятий, поскольку эти «другие» эмоции имеют отношение к сценариям, для которых наши понятия неприемлемы. В частности, Кэтрин Луц [32] описывает эмоциональную песню, характерную для народности ифалуков из Микронезии, чем-то напоминающую наш гнев, и подчеркивает, что, несмотря на сходство, эту эмоцию нельзя считать вариантом гнева: у нее совершенно иные поведенческие проявления, она имеет место в иных, по сравнению с гневом, ситуациях, поскольку встроена в иную ценностную систему, и т. д. К. Луц показывает, что эмоциональные проявления ифалуков значимо отличаются от эмоций, испытываемых нами. И для того чтобы понять эти различия, нам необходимо обратиться к системе их дискурсов [там же].

Как видим, имеющиеся в культуре эмоциональные сценарии определяют эмоциональное функционирование индивидов. Точно так же доступные членам культурной общности «словари мотивов» во многом детерминируют их поведение: люди, как правило, действуют в соответствии с этими культурными «словарями мотивов», что делает их понятными для самих себя и окружающих.

Обратим внимание на то, что тезис социальных конструкционистов о зависимости человеческого поведения от правил и конвенций культурных дискурсов не является каузальным объяснением. Правила и конвенции имеют силу не каузальной, но нормативной и семантической необходимости [20; 31]. В отличие от каузальных законов, правила могут быть нарушены, либо чья-то попытка соответствовать правилам может потерпеть неудачу — и то и другое влечет за собой соответствующие последствия (нормативная необходимость). Конвенции не определяют поведение механически, просто чтобы быть понятными, мы должны использовать соответ-

ствующие экспрессивные средства (семантическая необходимость). Кроме того, правила и конвенции нельзя мыслить как некие фиксированные алгоритмы поведения: люди пользуются ими достаточно гибко, их нужно адаптировать к каждой новой ситуации, нередко поведение человека — «открытый текст», и довольно трудно решить, на основании каких семантических схем его нужно читать. Наконец, в принципе, возможно создание новых правил и оригинальных форм выражения, примеры чего дают нам произведения искусства.

Как можно видеть, идеей дискурсивного конструирования психики (в его собственно дискурсивном и материальном аспектах) социальные конструкционисты обосновывают специфику объекта психологии по сравнению с объектами естественнонаучных дисциплин. В перспективе социального конструкционизма психические процессы и состояния предстают чем-то вроде артефактов. Личность также приобретает характер артефакта [27]. Акцентируя то, что психология имеет дело прежде всего с нормативными и семантическими отношениями, социальные конструкционисты ориентируют психологию на гуманитарное познание, укрепляя идею специфики последнего по сравнению с естествознанием.

Язык и реальность.

Границы дискурсивного конструирования

Образ языка, на который ориентируются сторонники социального конструкционизма, заимствован ими из ряда направлений философии XX в. (и прежде всего это идеи позднего Л. Витгенштейна), показавших, что функция языка не может быть сведена к символической репрезентации. В поздней философии Л. Витгенштейна дана блестящая критика «августинианского образа языка», согласно которому языковые выражения представляют собой метки неких объективных, устойчивых сущностей — значений этих языковых выражений. Витгенштейн показывает, что язык вообще не предназначен для обозначения устойчивых реалий, существующих до и помимо самой речевой ситуации. Значение выражения, по Витгенштейну, есть не что иное как практика его употребления, и задается оно контекстом бесчисленного множества языковых игр, каждая из которых предполагает свои правила, связанные внутренними отношениями с техникой их применения.

В отличие от традиционной психологии, основанной на допущении, что психика реально существует в качестве некоторой сущности, а язык лишь выражает то, что имеет место само по себе («реальное не рассказывается, оно существует») [36], сторонники

* Напомним, что в теории значения Сола Крипке жестким десигнатором считается имя, которое указывает на один и тот же объект во всех возможных мирах, в которых этот объект существует [30]. К примеру, к жестким десигнаторам относится ряд слов, обозначающих «естественные виды» («золото», «вода», «собака» и т. п.). Ср. «золото» как обозначение его сущностных физических и химических свойств и «золото» в его функции экономического обмена. Знаменательно, что предложенная Крипке теория значения («теория указания») явилась одним из самых значимых источников нового оживления в постсовременном интеллектуальном климате эссенциалистских позиций, согласно которым мир состоит из реальных объектов, обладающих сущностью, а не является результатом социального конструирования.

социального конструкционизма в психологии акцентируют конститутивную функцию языка и необходимость исследования «языковых игр», посредством которых существует то, что мы привыкли относить к психической реальности. Традиционные для психологических исследований явления — личность, эмоции, пол, персональная идентичность, мотивация, мышление и т. п. — анализируются с точки зрения принятых в обществе дискурсивных форм их выражения [7; 13].

Придерживаясь антирепрезентационных воззрений на природу языка, ряд представителей социоконструкционистской психологии проблематизируют и представления о том, что высказывания человека отражают особенности его личности, т. е. проблематизируют главное допущение традиционных форм психологической интерпретации — наличие своеобразного изоморфизма между внутренними установками личности и лингвистическими единицами. С точки зрения сторонников социального конструкционизма, высказывания человека — это прежде всего речевые действия, посредством которых он конструирует определенные версии мира и самого себя [8; 9; 36]. Свою жизнь человек тоже проживает в виде историй, причем истории не репрезентируют некие до-дискурсивные сущности жизни, но сама жизнь и есть эти истории [18].

Как можно видеть, акцент на риторических и конститутивных аспектах языка в социальном конструкционизме приобретает весьма радикальные формы. Безусловно, представители социального конструкционизма признают естественные границы дискурсивного конструирования, связанные главным образом с физическими и биологическими факторами. Похоже, что конструкционисты в большинстве своем придерживаются позиции дуализма, признавая неконструируемый характер физического (биологического) мира и конструируемый характер мира культуры и, соответственно, высших, культурных психических функций. Наиболее явно дуалистическую позицию выражает Р. Харре́, когда разводит физиологическую реальность и реальность «разговора» (conversation), понимая под второй «набор элементов в сети символически опосредованных взаимодействий» [20, с. 75]*. Еще раз подчеркнем, что психика определяется конструкционистами через языковые координаты и в конечном счете методология ее исследований оказывается очень близка социолингвистике.

Насколько предлагаемая социальными конструкционистами методологическая перспектива позволяет полноценно описывать человеческий опыт? На наш взгляд, радикальные социоконструкционистские представления о языке и его отношениях с реальностью (даже с той смысловой «реальностью», которая и мыслится как конструируемая в порядке

дискурсивных практик) страдают существенными недостатками. Вряд ли будет правильно слишком буквально и негибко понимать утверждение, что отношения между сознанием и миром детерминированы языком и по этой причине в глубине своей являются «социально конструируемыми». Как показывают некоторые авторы [34 и др.], социальный конструкционизм недооценивает практическую составляющую бытия в мире и именно поэтому может столь легко сводить все смыслы к словам и рассказываемым историям. Но вещи и события получают свое значение не только будучи обозначенными в словах и понятиях, но еще и на основании нашего телесного опыта в мире. Помимо нарративного Я у нас есть опыт «минимального» телесного Я, имеющий, по всей видимости, до-языковую природу [21]. Телесный опыт не сводим к словам и понятиям, он способен порождать смысл непосредственно. Наше существование в мире всегда есть существование воплощенное (embodied), поэтому можно предположить, что любая конструкция будет так или иначе нести на себе отметину нашего телесного опыта, что делает реализм, по крайней мере в некоторой его форме, неизбежным [34].

Нельзя сказать, что социальный конструкционизм не уделяет внимания телу. Социоконструкционистская перспектива серьезно проблематизировала представление о теле как о фиксированном биологическом субстрате, или «организме», и дала возможность посмотреть на тело как неотъемлемую часть человеческого обмена. Тело приобрело свою «герменевтику»: оно стало тем, что отмечено знаками пола, сексуальности, власти, статуса и т. п.; оно стало названным и тем самым «социально конструируемым». Однако в тени осталось тело как «воплощенное сознание», «эго-тело», «тело-субъект» или «живое тело» с присущими ему формами интенциональности, а это та тема, которая была предметом пристального внимания феноменологической философии [5; 12; 40]. В известной работе «Феноменология восприятия» М. Мерло-Понти [12] показывает, что тело—субъект и его поведенческие структуры не могут быть сведены ни к бытию сознания, ни к бытию вещи, но представляют собой некий третий способ бытия. Реальный субъект сначала должен «быть в мире», т. е. иметь вокруг себя некую систему значений, чьи отношения не нужно разъяснять, прежде чем использовать. И именно тело, являясь источником различных интенций (перцептивных, моторных, элементарных практических, сексуальных и т. д.) и тем самым способом нашего укоренения в мире, есть первичная сфера порождения смысла. «Мое тело обдает своим миром или подразумевает его, не нуждаясь в посредничестве “представлений”, не подчиняясь “символической” или “объективирующей” функции» [там же, с. 189].

* Фундаментальное различие между материальными и дискурсивными аспектами реальности, которого придерживаются представители социального конструкционизма, не обязательно прочитывать как возвращение к классическому дуализму мира физических процессов, с одной стороны, и мира смыслов, с другой. Возможно, «дуализм» конструкционистов близок весьма влиятельным сегодня представлениям о двух различных уровнях (или языках) описания, не сводимых друг к другу [6; 37 и др.] И тот и другой языки описывают один и тот же мир, и все дело лишь в том, насколько эвристичны эти описания.

К телу-субъекту Мерло-Понти С. Страссер добавляет эмоциональные проявления, источником которых становится сообщество «заботящихся других» [40]. Тем самым Страссер подчеркивает диалогическую природу феноменологии. Согласно Страссеру, мы есть не только эго-тело, но тело, вооруженное первичными «структурами чувств». «Вместе с Мерло-Понти, — пишет Страссер, — мы рассматриваем тело и его эмоциональную составляющую как “условия разума”... Они составляют первичные источники смыслообразования» [там же, с. 88].

Кроме того, что социальный конструкционизм недооценивает практическую составляющую бытия в мире — телесную и эмоциональную связь с миром, он уделяет недостаточное внимание факторам, которые поддерживают появление и распространение определенных дискурсов. Иными словами, недостаточное внимание уделяется тому, что именно инвестирует дискурсы, почему те или иные дискурсы получают доминацию, что является причиной привязанности человека к той или иной жизненной истории и т. п. Безусловно, язык нельзя рассматривать как совершенное зеркало реальности (все равно, материальной реальности или идеальной реальности устойчивых значений). Однако думаем, что сегодня было бы ошибкой представлять язык в качестве некой автономной, трансцендентной, отсылающей лишь к самой себе системы, произвольным образом порождающей (конструирующей) версии мира. Игра лингвистической сигнификации ограничена факторами, имеющими отношение к человеческой этологии, социокультурным институтам, практикам межличностного взаимодействия и их социальной траектории, во многом структурируемой отношениями власти (впрочем, связь дискурсов с властными практиками общества исследуется теми авторами, которые соединяют социоконструкционистские воззрения с идеями постструктурализма и критические социальные теории [см., например: 29; 41]. На индивидуальном уровне за выбором человеком того или иного дискурсивного поля, а также предпочитаемых историй всегда стоит целая система бессознательных механизмов, связанная с ранними формами межличностного взаимодействия и воплощенная в наборе «жизненных проектов», пониманию которых посвящает себя, в частности, психоанализ*. Так что язык, являясь центральным конституирующим фактором, все-таки не может рассматриваться в отрыве от других — вне-дискурсивных — факторов.

Выше уже говорилось, что одним из оснований социоконструкционистской психологии стали философские идеи Л. Витгенштейна, в своих поздних

работах акцентировавшего примат языкового употребления и предложившего методы анализа «языковых игр» для прояснения психологических понятий. Существует мнение, высказываемое, в частности, известным аналитическим философом Д. Деннетом, что именно Л. Витгенштейн является ответственным за ту «лингвистическую тюрьму», в которой оказалась современная мысль. Однако мы согласны с авторами [34 и др.], которые утверждают, что Витгенштейн в своих собственных исследованиях не только дает повод к лингвистическому радикализму, но и показывает возможность его преодоления (см., к примеру, его замечания в: [2, § 344, 345, 347, с. 468—469]. По Витгенштейну, «языковые игры» никогда не существуют сами по себе, но всегда теснейшим образом связаны с «формами жизни». И это последнее понятие имеет много общего с понятием «жизненного мира» Э. Гуссерля и практическими аспектами бытия, на которых настаивают М. Мерло-Понти и С. Страссер.

По нашему мнению, эпистемологическая программа, предлагаемая Витгенштейном, тоже не сводится лишь к лингвистическому анализу. В «Философских исследованиях» он презентует свой метод — свой способ смотреть на вещи. «Главный источник нашего недопонимания, — пишет Витгенштейн, — в том, что мы не *обозреваем* употребление наших слов. — Нашей грамматике недостает такой наглядности. — Именно наглядное действие (*übersichtliche Darstellung*) рождает то понимание, которое заключается в “усмотрении связей”... Понятие наглядного взору действия (*der übersichtlichen Darstellung*)... характеризует тип нашего *представления*, способ нашего рассмотрения вещей. (Разве это не “мировоззрение”?) [3, § 122, с. 129—130]. Как можно видеть, предлагаемый Витгенштейном метод не ограничивается грамматикой понятий, но представляет собой особый способ «усматривать связи», изменять аспект видения и понимания. В своей поздней философии Витгенштейн обрисовывает достаточно сложные, взаимно опосредующие и взаимно конституирующие отношения между языковыми играми и формами жизни. И можно предположить, что предлагаемые им способы исследования не только являются источником «лингвистического поворота», в достаточной мере реализуемого социальными конструкционистами, но и содержат в себе возможность нового «поворота к формам жизни», по-видимому, не до конца оцененного психологами и еще требующего своего осмысления.

Подведем некоторые итоги. В нашей работе мы дали анализ социоконструкционистской идеи о дис-

* Кстати сказать, любопытным примером трансформации дискурсивной концепции психических образований на основе некоторых идей психоанализа может выступить пересмотр собственной теории пола Джудит Батлер [1; 15]. Представления о поле как перформативном осуществлении мужественности и женственности, которых придерживалась Батлер в более ранних работах, в последнее время были дополнены ею анализом глубинных бессознательных механизмов «привязывания» к определенному типу перформанса. Пол не рассматривается Батлер как естественно данное организмическое образование, но он и не предстает лишь конструкцией дискурса. Речь идет о глубинной работе культуры на уровне тела. По Батлер, механизм образования пола аналогичен описанному Фрейдом процессу меланхолической идентификации с потерянным объектом привязанности того же пола. В итоге в концепции Батлер пол превращается в «меланхолическое» образование: он есть то, что остается неартикулированным в сексуальности. Батлер делает попытку представить механизмы формирования субъективности внутри «гетеросексуальной матрицы», осуществляемые на глубинном бессознательном уровне.

курсивном конструировании психики и показали, что обосновываемые конструкционистами онтологические представления о психике как продукте дискурса ориентируют психологию на построение концептуально-методологического каркаса, характерного для гуманитарных («понимающих») наук. В начале статьи мы подчеркнули, однако, что онтологические идеи являются частью эпистемологической перспективы, а потому было бы неверным выводить принципы познания из особенностей онтологии. Социоконструкционистская эпистемологическая перспектива примыкает к одной из двух главных традиций в истории идей, которая носит название «аристотелевской» и противопоставляется другой ведущей традиции — «галилеевской» [4]. По сути, социальный конструкционизм предлагает одну из версий онтологии «жизненного мира» — онтологии intersубъективных значений и смыслов, с которой имеет дело аристотелевская традиция. Полагать, в духе этой традиции, что методология исследования психических феноменов должна соответствовать онтологии «жизненного мира», значит призывать к построению науки, которая будет усиливать наши обыденные интуиции, не пытаясь поставить их под вопрос. Если теперь обратиться к истории физики, то, к примеру, ни одна теория материи и движения не согласовалась в такой степени со здравым смыслом, как аристотелевские представления о земле, воздухе, огне и воде. Гравитационная теория Ньютона, постулировав наличие некой абстрактной силы, действующей между удаленными друг от друга объектами и без посредства физического тела, напротив, противоречила обыденным интуициям [24]. Проект новоевропейской науки показал, что, быть может, наиболее ценные знания мы получаем именно тогда, когда пытаемся переосмыс-

лить очевидное. Однако, с другой стороны, насколько мы нуждаемся в том, чтобы уходить от «метафизики повседневной жизни», когда речь идет о понимании человеческого мира? Г. Х. фон Вригт [4] отмечает, что различия между аристотелевской и галилеевской традициями наблюдаются на столь глубоком уровне, что применительно к социальным наукам речь может идти не об их истинности, но лишь об экзистенциальном выборе точки зрения, которая, по-видимому, не имеет дальнейших обоснований.

Социальный конструкционизм, будучи концептуально-теоретической платформой для развития дискурс-аналитической исследовательской методологии, позволяет по-новому взглянуть на ряд психологических проблем, в частности освоить проблематику культурно-символических ресурсов сознания [10]. Вместе с тем социоконструкционистские представления о дискурсивной природе психики не свободны от целого ряда «перегибов». Как мы показали, в перспективе основанные на идеях социального конструкционизма дискурс-аналитических исследований психические феномены оказываются неизбежно сведенными к языку. И дело не только в том, что, ориентируясь на социоконструкционистские представления, психология рискует потерять свой предмет, сведя его к предмету социолингвистики. Как мы попытались показать, социальный конструкционизм, акцентируя роль языка в осмыслении мира, недостаточное внимание уделяет иным — внедискурсивным факторам, и прежде всего практической составляющей человеческого бытия-в-мире. Ориентируя психологию на онтологию «жизненного мира» и тем самым на построение проекта «понимающей» науки, сторонники социального конструкционизма многое из этого «жизненного мира» не принимают в расчет.

Литература

1. Батлер Дж. Психика власти: Теория субъекции. Харьков; СПб., 2002.
2. Витгенштейн Л. Культура и ценность // Людвиг Витгенштейн. Философские работы (Часть 1). М., 1994.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Там же.
4. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. М., 1986.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004.
6. Деннет Д. Виды психики. М., 2004.
7. Джерджен К. Социальный конструкционизм: знание и практика. Мн., 2003.
8. Калая П., Хейкинен А. Атрибуции в рамках дискурсивного подхода: объяснение успехов и неудач в изучении английского языка как иностранного // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. Воронеж, 2002.
9. Калмыкова Е. С., Чеснова И. Г. Анализ нарративов пациента: ССРТ и дискурс-анализ // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 2.
10. Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст: Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008.
11. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке: Материалы «круглого стола». Участвовали:
- В. А. Лекторский, В. Ф. Петренко, Б. И. Пружинин, Е. Н. Князева, М. А. Розов, Н. М. Смирнова, В. С. Швырев, Ю. А. Антоновский, А. М. Улановский, И. П. Фарман, Е. Л. Черткова // Вопросы философии. 2008. № 3.
12. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.
13. Онуцин А. Н. «Новая парадигма» в социальной психологии // Мир психологии. 1999. № 3.
14. Петренко В. Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 3.
15. Пулькинен Т. О перформативной теории пола: Проблематизация категории пола Юдит Батлер // Герменевтика и деконструкция / Под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б. В. Маркова. СПб., 1999.
16. Улановский А. М. Конструктивистская парадигма в гуманитарных науках // Эпистемология & Философия науки. 2006. Т. X. № 4.
17. Улановский А. М. Феноменологический подход как качественная исследовательская методология: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
18. Фридман Дж., Комбс Дж. Конструирование иных реальностей: Истории и рассказы как терапия. М., 2001.
19. Харре Р. Вторая когнитивная революция // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2.

20. *Xappé P.* Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. М., 1995.
21. *Bermúdez J. L.* The paradox of self-consciousness. Cambridge, 1998.
22. *Billig M.* Arguing and Thinking. Cambridge, 1986
23. *Churchland P. M.* Matter and Consciousness. Cambridge, 1988.
24. *Dessler D.* The positivist-interpretivist controversy // Qualitative Methods, 2003.
25. *Gergen K. J.* Realities and Relationships: Soundings in Social Construction. Cambridge, 1994.
26. *Guba E., Lincoln Y.* Competing paradigms in qualitative research // N. K. Denzin, Y. S. Lincoln (eds.) The landscape of qualitative research: Theories and issues. Thousand Oaks, 1998.
27. *Harre R.* Personal Being. Oxford, 1983.
28. *Harre R., Gillet G.* The Discursive Mind. L., 1994.
29. *Hepburn A.* Teachers and secondary school bullying: a postmodern discourse analysis // Discourse & Society. 1997. Vol. 8 (1).
30. *Kripke S.* Naming and Necessity. Cambridge, 1980.
31. *Liebrucks A.* The concept of social construction // Theory & Psychology. 2001. Vol. 11 (3).
32. *Lutz C. A.* Unnatural Emotions. Chicago, 1988.
33. *Maze J. R.* Social constructionism, deconstructionism and some requirements of discourse // Theory & Psychology. 2001. Vol. 11 (3).
34. *Merwe W. L. van der, Voestermans P. P.* Wittgenstein's legacy and the challenge to psychology // Theory & Psychology. 1995. Vol. 5 (1).
35. *Potter J.* Representing Reality: Discourse, rhetoric and social construction. London, 1996.
36. *Potter J., Wetherell M.* Discourse and Social Psychology. London, 1987.
37. *Putnam H.* Representation and Reality. Cambridge, 1988.
38. *Ratner C.* Cultural Psychology: Theory and method. N. Y., 2002.
39. *Shotter J.* Social Accountability and Selfhood. Oxford, 1984.
40. *Strasser S.* The Idea of Dialogical Phenomenology. Pittsburgh, 1969.
41. *Wetherell M.* Positioning and interpretative repertoires: conversation analysis and post-structuralism in dialogue // Discourse & Society. 1998. Vol. 9 (3).

Psychic Phenomena and Discourse: the Social Constructionism Perspective

N. P. Busygina

Assistant Professor, Chair of Individual and Group Psychotherapy, Department of Psychological Counseling,
Moscow State University of Psychology and Education

The article analyzes the socio-constructionist view on psyche as a product of discourses. In the social constructionism perspective the psychological concepts are not viewed as «rigid designators». Their function is not to describe the objective processes and states, but to attribute meaning to them in accordance with the context of cultural meanings to which they belong. The social constructionism is focusing on the discursive nature of the psyche and its normative and semantic (not causal) relations. It orients psychology on the interpretational epistemology and on the conceptual and methodological framework construction close to that of the humanities (so called «understanding sciences»). The article also raises the broader issue of interrelation between language (or discourse, i.e. language in its socio-cultural and interactive aspects) and reality. The author argues that due to social constructionism that promotes the radicalization of linguistic nature of human experience, the reflection on discursive construction boundaries becomes relevant. The necessity of analysis of the other — extra-discursive — aspects of the «living world», and especially the practical component of being in the world, the phenomenology of corporeal and emotional connection with the world, and etc is explained.

Keywords: social constructionism, discursive construction of the psyche, language games, «grammatical analysis» of psychological concepts, the body-subject, the boundaries of discursive construction.

References

1. *Batler Dzh.* Psihika vlasti: Teoriya sub'ekcii. Har'kov; SPb., 2002.
2. *Vitgenshtein L.* Kul'tura i cennost' // Lyudvig Vitgenshtein. Filosofskie raboty (Chast' 1). M., 1994.
3. *Vitgenshtein L.* Filosofskie issledovaniya // Tam zhe.
4. *Vrigt G. H. fon.* Logiko-filosofskie issledovaniya. M., 1986.
5. *Gusserl' E.* Krizis evropejskih nauk i transcendental'naya fenomenologiya. SPb., 2004.
6. *Dennet D.* Vidy psihiki. M., 2004.
7. *Dzherdzhen K.* Social'nyi konstrukcionizm: znanie i praktika. Mn., 2003.
8. *Kalaya P., Heikinen A.* Atribucii v ramkah diskursivnogo podhoda: ob'yasnenie uspehov i neudach v izuchenii anglijskogo yazyka kak inostrannogo // Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda. Vyp. 2. Voronezh, 2002.
9. *Kalmykova E. S., Chesnova I. G.* Analiz narrativov pacienta: CCRT i diskurs-analiz // Moskovskii psihoterapevticheskii zhurnal. 1996. № 2.
10. *Kasavin I. T.* Tekst. Diskurs. Kontekst: Vvedenie v social'nyu epistemologiyu yazyka. M., 2008.
11. Konstruktivizm v epistemologii i naukah o cheloveke: Materialy «kruglogo stola». Uchastvovali: V. A. Lektorskii, V. F. Petrenko, B. I. Pruzhinin, E. N. Knyazeva, M. A. Rozov, N. M. Smirnova, V. S. Shvyrev, Yu. A. Antonovskii, A. M. Ulanovskii, I. P. Farman, E. L. Chertkova // Voprosy filosofii. 2008. № 3.
12. *Merlo-Ponti M.* Fenomenologiya vospriyatiya. SPb., 1999.
13. *Onuchin A. N.* «Novaya paradigma» v social'noi psihologii // Mir psihologii. 1999. № 3.
14. *Petrenko V. F.* Konstruktivistskaya paradigma v psihologicheskoi nauke // Psihologicheskii zhurnal. 2002. T. 23. № 3.
15. *Pul'kinen T.* O performativnoi teorii pola: Problematizaciya kategorii pola Yudit Batler // Germenevtika i dekonstrukciya / Pod red. V. Shtegmaiera, H. Franka, B. V. Markova. SPb., 1999.
16. *Ulanovskii A. M.* Konstruktivistskaya paradigma v gumanitarnyh naukah // Epistemologiya & Filosofiya nauki. 2006. T. X. № 4.
17. *Ulanovskii A. M.* Fenomenologicheskii podhod kak kachestvennaya issledovatel'skaya metodologiya: Dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2005.
18. *Fridman Dzh., Kombs Dzh.* Konstruirovanie inyh real'nostei: Istorii i rasskazy kak terapiya. M., 2001.
19. *Harré R.* Vtoraya kognitivnaya revolyuciya // Psihologicheskii zhurnal. 1996. T. 17. № 2.
20. *Harré R.* Metafizika i metodologiya: nekotorye rekomendacii dlya social'no-psihologicheskogo issledovaniya // Social'naya psihologiya: samorefleksiya marginal'nosti. M., 1995.
21. *Bermúdez J. L.* The paradox of self-consciousness. Cambridge, 1998.
22. *Billig M.* Arguing and Thinking. Cambridge, 1986
23. *Churchland P. M.* Matter and Consciousness. Cambridge, 1988.
24. *Dessler D.* The positivist-interpretivist controversy // Qualitative Methods, 2003.
25. *Gergen K. J.* Realities and Relationships: Soundings in Social Construction. Cambridge, 1994.
26. *Guba E., Lincoln Y.* Competing paradigms in qualitative research // N. K. Denzin, Y. S. Lincoln (eds.) The landscape of qualitative research: Theories and issues. Thousand Oaks, 1998.
27. *Harre R.* Personal Being. Oxford, 1983.
28. *Harre R., Gillet G.* The Discursive Mind. L., 1994.
29. *Hepburn A.* Teachers and secondary school bullying: a postmodern discourse analysis // Discourse & Society. 1997. Vol. 8 (1).
30. *Kripke S.* Naming and Necessity. Cambridge, 1980.
31. *Liebrucks A.* The concept of social construction // Theory & Psychology. 2001. Vol. 11 (3).
32. *Lutz C. A.* Unnatural Emotions. Chicago, 1988.
33. *Maze J. R.* Social constructionism, deconstructionism and some requirements of discourse // Theory & Psychology. 2001. Vol. 11 (3).
34. *Merwe W. L. van der, Voestermans P. P.* Wittgenstein's legacy and the challenge to psychology // Theory & Psychology. 1995. Vol. 5 (1).
35. *Potter J.* Representing Reality: Discourse, rhetoric and social construction. London, 1996.
36. *Potter J., Wetherell M.* Discourse and Social Psychology. London, 1987.
37. *Putnam H.* Representation and Reality. Cambridge, 1988.
38. *Ratner C.* Cultural Psychology: Theory and method. N. Y., 2002.
39. *Shotter J.* Social Accountability and Selfhood. Oxford, 1984.
40. *Strasser S.* The Idea of Dialogical Phenomenology. Pittsburgh, 1969.
41. *Wetherell M.* Positioning and interpretative repertoires: conversation analysis and post-structuralism in dialogue // Discourse & Society. 1998. Vol. 9 (3).